

Глава 1. Ночь страсти

— Ноги чуть шире...

— Расслабься... больно не будет...

— Малыш, с тобой так сложно...

...

Шэнь Шанняян очнулся от причудливого, сумбурного сна с ощущением, будто всё его тело разваливается на части. Болела поясница, задница, а ноги дрожали от пронзающей до самых костей боли, словно его всю ночь избивали.

«Неужели меня кто-то тайком отмудохал?»

«Какой ублюдок на это решился?»

Эти мысли пронеслись в его голове, но тут же исчезли. Он вёл себя как последний негодяй, и список обиженных им людей мог бы трижды опоясать весь Бэйчэн.

Так сразу и не вспомнишь, кто именно мог поднять на него руку.

Мочевой пузырь подавал сигналы бедствия. Шэнь Шанняян опёрся на руку, собираясь встать и дойти до туалета, как вдруг его лицо резко побледнело, а с тонких губ сошёл румянец.

Неподалёку на кровати лежал мужчина.

Кажется, совершенно голый. Он лежал спиной к Шэнь Шанняяну, и на его светлой коже виднелись многочисленные царапины. Тонкое гостиничное одеяло сбилось у него на пояснице. Широкие плечи, отчётливо выступающие лопатки — даже со спины этот мужчина выглядел до неприличия сексуально.

Узкая талия, а всё, что ниже, скрыто одеялом, будоража воображение.

Лицо Шэнь Шанняян стало белым как полотно.

Молодой господин Шэнь привык жить на широкую ногу, пользуясь властью и богатством своей семьи. Он задирал котов, дразнил собак и ходил по Бэйчэну с таким видом, будто весь город принадлежал ему. Ничего и никого не боялся.

Но сегодня, впервые в жизни, он испугался так, что перехватило дыхание.

Затаив его на пять секунд, он медленно опустил взгляд на себя и тут же позеленел.

Если вкратце — его словно обглодала стая голодных псов.

Шеи он не видел, но ключицы были покрыты багровыми и лиловыми отметинами от укусов, а грудь... про грудь и говорить нечего.

Красная, опухшая.

ЧЁРТ!!!

Шэнь Шаньянь не был дураком. Если сначала он ничего не понял, то теперь в нём вскипела жажда убийства.

— Я тебя прикончу... — прошипел он сквозь зубы.

Подумать только, его, стопроцентного натурала, взял какой-то мужик?!

И это, чёрт возьми, в его двадцать шестой день рождения!

Какой позор!

Он схватил подушку и со всей силы обрушил её на затылок мужчины.

— А ты, тварь, ещё и спишь так сладко? Как ты посмел?

Шэнь Шаньянь уже придумал план мести.

Найти собаку и натравить на него, чтобы она его тоже покусала. Или найти другого мужика, чтобы тот его поимел.

Однако все его мысли улетучились, как только он увидел руку мужчины, лежащую на одеяле.

Рука была невероятно красивой: чётко очерченные костяшки, длинные пальцы, холодная бледность кожи и аккуратно подстриженные, округлые ногти.

Буквально вчера он восхищался рукой её обладателя, сказав:

— Чэнь Чжицзюань, не забудь застраховать свои руки.

Не может быть. Не может. НЕ МОЖЕТ!

В голове Шэнь Шанняя замелькали панические мысли.

Лежавший рядом мужчина наконец проснулся от шума. Рука, покоившаяся на одеяле, поднялась и потёрла висок. Он повернулся на бок, и Шэнь Шанняя увидел лицо, которое узнал бы даже с закрытыми глазами — до невозможности красивое.

В его тёмных, узких глазах ещё стояла сонная дымка. По привычке он протянул руку, схватил Шэнь Шанняя за ладонь и пробормотал:

— Поспи ещё немного.

Шэнь Шанняя с силой вырвал руку.

— Отвали.

Кто, чёрт возьми, захочет с тобой спать?

Чэнь Чжицзюань наконец окончательно проснулся. Он пытался вспомнить, что произошло вчера, чтобы понять, чем он снова умудрился разозлить этого капризного господина.

Тут его взгляд упал на багровые следы от поцелуев на шее Шэнь Шанняя.

Мозг Чэнь Чжицзюаня словно завис.

— Ты...

Он произнёс лишь одно слово и тут же замолчал.

Шэнь Шанняя остро почувствовал его взгляд и холодно показал ему средний палец.

— Чэнь Чжицзюань, ты покойник. Между нами всё кончено.

«Как это — кончено?» — подумал Чэнь Чжицзюань.

«Заблокирует, удалит из друзей, отпишется? Ведёт себя как ребёнок».

Едкие слова так и не сорвались с его губ. В памяти смутными обрывками всплыли вчерашние события.

Он сел, и одеяло соскользнуло вниз, обнажая шесть кубиков пресса и линию Аполлона, уходящую ниже, туда, где покоилось то, что всю ночь терзало Шэнь Шанняя.

Глаза Шэнь Шанняя словно обожгло. Сгорая от стыда и злости, он схватил подушку и с силой швырнул её в него.

— Между мужчинами должны быть приличия! Ты можешь хоть немного думать о своей репутации?

— Когда мы в школе письками мерялись, ты что-то не говорил о приличиях, — с холодной усмешкой парировал Чэнь Чжицзюань.

Шэнь Шанняя чуть не задохнулся от возмущения.

— То было тогда, а сейчас — сейчас.

— А сейчас что-то изменилось? — спросил Чэнь Чжицзюань.

— Конечно, — ответил Шэнь Шанняя. Хоть характер у него был скверный, лицо он унаследовал от матери — изящное и красивое.

Глаза — классической формы «цветущего персика», но зрачки были чистыми, с чётким контрастом белого и чёрного. Высокая переносица, выразительные надбровные дуги и тонкие, но яркие губы.

Характер отталкивал, но лицо притягивало.

— Раньше мы были братьями, а теперь мы враги, понял? — холодно бросил он. — Если ещё раз встретимся на улице, то ты, как и твоя вонючая хаски, должен будешь убраться с моего пути.

Чэнь Чжицзюань замолчал на пару секунд.

Он почти всегда был невозмутим, с его лица не сходило выражение спокойствия. Приятели Шэнь Шанняя часто говорили, что если бы Чэнь Чжицзюань не посвятил себя медицине, а унаследовал семейный бизнес, то в Бэйчэне стало бы ещё одной легендой больше.

Тогда Шэнь Шанняя не придавал этому значения. В конце концов, Чэнь Чжицзюань был его другом детства, его лучшим братом, и каким бы успешным он ни стал, перед ним он всегда

должен был быть паинькой.

Но сейчас он вдруг почувствовал, что настроение у Чэнь Чжицзюаня испортилось.

— Ты же вроде всегда был таким ветреным? — сказал Чэнь Чжицзюань. — Вчера ещё говорил, что одна ночь для тебя — обычное дело. Почему сегодня так из-за этого переживаешь?

Шэнь Шанняянь внезапно онемел.

Откуда ему было знать, что хвастовство, брошенное им вчера, так быстро обернётся против него?

Когда Чэнь Чжицзюань учился в Медицинском институте университета Бэйчэна, Шэнь Шанняянь посещал колледж по соседству.

Отец хотел отправить его за границу, но Шэнь Шанняянь был патриотом китайской кухни, да и к тому же, если бы он уехал, его отец и мачеха совсем бы распоясались.

После окончания колледжа Шэнь Шанняянь, оправдав всеобщие ожидания, стал прожигателем жизни, типичным представителем золотой молодёжи.

А Чэнь Чжицзюань, наоборот, уехал учиться за границу и вернулся лишь два месяца назад.

Когда он вернулся, Шэнь Шанняянь, конечно же, устроил встречу со своим лучшим братом.

Во время ужина Чэнь Чжицзюань спросил, есть ли у него девушка. Девственник Шэнь Шанняянь решил прихвастнуть.

— «Не встречался, но спал со многими».

Вспомнив этот позорный момент, Шэнь Шанняянь почувствовал, как темнеет в глазах.

Признать свою ложь он не мог, поэтому снова выместил злость на Чэнь Чжицзюане.

— С девушками — да. С парнями — нет.

Дыхание Чэнь Чжицзюаня сбилось, и выражение его лица наконец изменилось, стало мрачным.

Только теперь Шэнь Шанняянь почувствовал удовлетворение.

«Так тебе и надо, — подумал он. — Ты всю ночь так меня имел, что у меня теперь голова и задница раскалываются».

Он решил подлить масла в огонь.

— Ты же знаешь, я гомофоб. Натурал до мозга костей. Я просто не могу смириться с тем, что переспал с мужиком.

Шэнь Шанняянь не врал.

В школе у него было много поклонников. Один из них каждый день писал ему любовные письма на розовой бумаге, не пропуская ни дня.

Позже выяснилось, что письма писал парень.

Когда он узнал об этом, шёл дождь.

Шэнь Шанняянь прятался в старом здании лаборатории и тайком курил, когда тот парень убежал внутрь, разделся догола и стал умолять его «приласкать».

Шэнь Шанняянь тогда чуть не вырвало от омерзения.

С тех пор он обходил геев стороной.

<http://bllate.org/book/15973/1441108>